

Валентина Рыжкова

Воспоминания о детстве

Валентина Рыжкова
Воспоминания о детстве

«ЛитРес: Самиздат»

2001

Рыжкова В. И.

Воспоминания о детстве / В. И. Рыжкова — «ЛитРес: Самиздат»,
2001

Фантазия о детстве в стиле ретро. Взгляд на мир глазами ребенка, когда самые простые и обыкновенные вещи становятся чудом. События происходят в начале XX века. Главная героиня, девочка Лиля, вспоминает о своем раннем детстве и жизни в провинциальном городе в России до Революции.

Игры с младшим братом Ромкой, любимые игрушки, кафе с мороженым, прогулки и вечера в кругу семьи, старый дом и его обитатели, эксцентричная гувернантка-француженка и, наконец, внезапная поездка в Европу с билетом в один конец.

© Рыжкова В. И., 2001

© ЛитРес: Самиздат, 2001

Валентина Рыжкова **Воспоминания о детстве**

...Бедной моей маме в праздничные дни всегда дарят платья и никогда не дарят игрушек. Они ей больше не нужны. Мне иногда кажется, что у взрослых нет никаких радостей в жизни. Когда я буду взрослой, я тоже не буду радоваться игрушкам, и мне не захочется ни роликов, ни волчков, ни обручей, ни кукол и вообще ничего. Как же я тогда буду жить, если ничего меня не будет радовать? Иногда мне хочется плакать из-за того, что я стану взрослой, а иногда мне хочется как можно скорее вырасти. Но когда я подумаю, что тогда я буду получать на Рождество одни только полезные подарки, вроде платьев, носовых платков и туалетного мыла, мне становится совсем грустно...

Ирмгард Койн

«Девочка, с которой детям не разрешали водиться»

Когда мы с моим младшим братом Ромкой были еще совсем маленькими, вся наша семья – папа, мама, Катька, я, Ромка и попугай Чирикнутый – жила в самом центре города на пятой улице от метро, которого тогда еще не было, в высоком старом доме и на самом последнем этаже под чердаком. С одной стороны нашего дома были Литературный квартал и сквер, а за сквером кинотеатр “Искорка”. С другой стороны простиралась большая длинная улица с трамваями и двусторонним движением. По ней целыми днями слева направо и справа налево ездили автомобили. Мама никогда не разрешала нам с Ромкой переходить на другую сторону без нее, потому что на той стороне было кафе с мороженым.

Я уже говорила, что жили мы на самом последнем этаже, лифты часто ломались между четвертым и пятым, особенно по пятницам в половине седьмого, поэтому гости у нас бывали не часто. А если приходили, то тогда у нас устраивался настоящий праздник. Мы все пили чай за большим круглым столом в гостиной под хрустальной люстрой. Всегда были торт, печенье в шоколаде, вафли и “Кухотные” конфеты – хрустящие и с пальмами на обертке. Это их Ромка так называл: “Кухотные”.

Взрослые всегда говорили о серьезных вещах. Катька внимательно слушала и запоминала. А мы с Ромкой ели конфеты. Взрослые редко приводили с собой детей, потому что они были не наши с Ромкой гости, но зато приносили нам подарки. Катьке тоже приносили, но полезные, а нам с Ромкой игрушки или шоколадки. Шоколадки, к сожалению, чаще.

Наша квартира была большая и старинная, сделанная специально для чиновников. А наш папа был чиновником. В квартире было много комнат и маленькая кухня с кухаркой. Папа любил вкусно поесть, но часто жаловался, что кухарка нам дорого обходится, поэтому по выходным он отпускал кухарку, и мы всей семьей отправлялись ужинать в ресторан через две улицы. Он назывался очень красиво: “Изабелла”. Там давали киевские котлеты и воблу, маринованную под соусом. Еще там был француз во фраке и с бабочкой на шее, он играл на черном рояле веселую музыку. А за соседним столом всегда сидел толстый дядя, совершенно лысый, он сидел один и очень много ел. Ромка его жалел за то, что у него не растут волосы, поэтому однажды предложил ему специальное лекарство, которое сам изобрел из шампуня и мыла.

А поздно вечером мы возвращались домой на трамвае и всегда ехали на втором этаже, потому что он без крыши. Трамвай стучал и подпрыгивал. Ромка тоже подпрыгивал у папы на коленях. Дул ночной ветерок. Когда мама не видела, я свешивалась вниз с перил так, чтобы мои рыжие волосы развевались, как флаг. А в ясную погоду на небе всегда были видны звезды и месяц. Луны по выходным не было.

В нашей большой квартире у каждого была своя комната. У нас с Ромкой детская. У Катьки комната, потому что она ходила в женскую гимназию, специальную гимназию для таких, как Катька. У папы с мамой тоже комната, у папы еще был большой кабинет, он там работал по вечерам, поэтому нас с Ромкой рано отправляли спать, чтобы мы не мешали. В этом кабинете было много книг, печатная машинка и даже камин. Папа любил сидеть у камина и курить трубку. Еще у нас в квартире были гостиная и маленькая прихожая, ну про кухню с кухаркой я уже говорила.

Наш папа работал в конторе, где мало платили. Зато к лету папа получал повышение, и мы ездили к морю. Маме тоже иногда приходилось работать. Она учила француза Луи, что жил прямо под нами, болтать по-русски, а то он даже не умел играть в прыгалки и не знал, как позвать извозчика. Он приехал из Ниццы и все время болел.

Еще мама сидела со старушонкой, очень богатой и вредной. Эту старушонку всегда вывозили на прогулку в кресле на колесах, а во рту у нее не было ни одного зуба, и она боялась сквозняков и мышей. А жила в соседнем доме. Один раз мы с Ромкой были у нее в гостях, но старушонка терпеть не могла детей. Своих у нее было когда-то шесть штук, и она всех их сжила со свету. Ее дом весь в хрустале и свечах. Такая глупая: даже не знала, что уже изобрели электричество. Ромка преподнес ей в подарок живого мышонка, она взвизгнула и натравила на него своего рыжего толстого кота Петрушу. Злющая старушонка.

Мама плела кружева и вышивала бисером, а потом вязала нам теплые носки на зиму. У нее было много работы, поэтому иногда она просила соседку Паулину Ричардовну посидеть с нами. Соседка целыми днями сидела у нас; она пила кофе на кухне с кухаркой, болтала с мамой о погоде и ценах на лекарства, спала в кресле-качалке, осторожно покачиваясь. Ее монотонное сопение долго бродило по гостиной, даже тюлевые занавески на окнах колыхались. Нас с Ромкой Паулина Ричардовна кормила земляничным вареньем.

Нам с Ромкой было хорошо, потому что мы были еще маленькими. Мне не надо было вставать в половине седьмого каждое утро, как Катьке, и тащиться в женскую гимназию. Ромке тоже не надо было вставать так рано, как папе, и идти в контору. Ромка был к тому же младше меня на два с половиной года, он не дотягивался до нашего обеденного стола, поэтому ему на стул клали диванные подушки. Мы с ним вместе не дотягивались до дверного звонка, и до кнопки лифта, и до всех выключателей. А Ромка – еще и до подоконников. Ему вообще часто приходилось куда-нибудь спешно взбираться, чтобы не пропустить что-нибудь интересное. Забавно было за ним наблюдать, когда он карабкался на стул, на кресло или на собственную кровать. Ромка при этом всегда пыхтел, как паровоз.

У нас с Ромкой было счастливое и беззаботное детство, только игрушек было мало, и все старые. Их все Катька поломала еще до нас. До сих пор не могу поверить, что Катька могла быть такой же маленькой, как мы. Ведь она даже не умела играть.

У Ромки хранилась под кроватью коробка с оловянными солдатиками. Все они уже давно пострадали в многочисленных кровавых сражениях: у кого не было руки, у кого ноги, у кого головы. Лошади растеряли всех своих кавалеристов, пушки разваливались. В последнем бою Ромка так измаялся со своей никудышной армией, что лег спать и забыл пушки на подоконнике. Все следующее утро они простояли под палящими лучами солнца, не выдержали жары и почти совсем расплавились. Но, несмотря на все это, Генерал Наполеон Ромка снова и снова посылал свою армию в бой, не щадя солдат, колени, локти, Паулину Ричардовну, которая никак не могла привыкнуть к Ромкиным неожиданным: “Ба-бах!”, раздающимся из всех углов.

Гремел сервант, солдаты еле-еле тащились в бой под сердитое оханье соседки. Сражение начиналось в детской и передвигалось по квартире: из гостиной в прихожую, затем на кухню, опять в гостиную, в спальню, в Катькину комнату, опять в детскую и так далее. Ромка орал: “Вперед!” Солдаты шли и падали: где поодиночке, а где и целым батальоном. Вот один лежит

под кроватью – погиб безвестно. Еще двое у комода в гостиной, пять под столом. Самая жаркая битва была, несомненно, в Катькиной комнате, тут их много попадало, пришлось спешно отступать. Катька открыла такой яростный огонь, что чуть было не погиб Генерал, храбро прикрывая свою армию. Выбрались оттуда только жалкие остатки. Чирикнутый орал “Марсельезу” и раскачивался из стороны в сторону, наблюдая за приближающейся армией, стрекотала швейная машинка, папа кричал из кабинета, чтобы ему не мешали работать, на кухне кухарка нещадно гремела посудой, вздыхала соседка, Катька жаловалась, а армия шла дальше. Ее остатки Ромка, как истинный Наполеон, бросил в прихожей, потому что мама позвала ужинать. Потом кухарка чуть не упала, наступив на солдат. Она облила их горячим супом.

После таких яростных битв вся квартира была усеяна трупами солдат и пушками. Лошади кавалеристов паслись обычно где-нибудь под диваном. Мама велела немедленно все убрать и не давала Ромке насладиться полем битвы.

Я перевязывала солдатам раны носовым платком. Ужас, сколько носовых платков уходило! Я разрывала их на веревочки и обматывала каждого солдатика с гордостью настоящего военного врача, а затем укладывала их в коробку до следующей войны. Мама не могла понять, что творится с нашими платками: каждую неделю ей приходилось шить нам с Ромкой новые носовые платки. Эти маленькие платочки были для нее важнее всего на свете, она ни за что не желала отпускать нас на улицу, не расстав нам по карманам носовые платки. Мамина уверенность в ценности носовых платков передалась и нам с Ромкой. Мы заворачивали в них секретки и закапывали во дворе, правда, потом забывали, где что закопано.

У Ромки были солдатика, а у меня куклы – всего четыре. Самую большую звали Надежда. У нее были зеленые глаза и глупое выражение лица и одна нога была короче другой и все время отваливалась. Целых три дня после того, как мне ее подарили, ноги у нее были нормальные, но однажды, когда я сажала ее на стул, одна нога сломалась. Я редела до вечера, благо папы не было дома – он терпеть не мог всяких слез и рыданий, особенно моего рева не выносил. Вот Ромка, тот умел плакать почти бесшумно, только всхлипывал, как паровоз, а я всегда редела. Катька меня дразнила: “Рева-корова!” Ну, вот и тогда тоже редела, а когда Паулина Ричардовна задремала, Ромка побежал на помойку, она на соседней улице, через несколько минут вернулся с кукольной ногой. Он каким-то чудом умудрился припать эту ногу к моей кукле, но нога оказалась немного великовата.

А другая моя кукла была совсем лысая, у нее на голове торчало несколько зеленых прядей волос. Раньше волосы были коричневые, но мы с Ромкой их покрасили. Ромка изобрел специальную краску для волос. Взял папин шампунь, мыльную пену, добавил немного зубного порошка, растворенный в касторке аспирин, конторский клей, соль и зеленую краску для покраски забора. Ах да, и чайную ложку домашней горячительной настойки, которую папа принимает по воскресеньям перед обедом. Волосы у куклы стали зеленоватые с каким-то непонятным оттенком. Ванна тоже позеленела, и кафельная плитка покрылась зелеными пятнами, и полотенце, которым мы куклу вытирали, стало зеленым и противным, Ромка тоже весь перемазался. А у меня руки зеленые были два дня, зато мама купила мне перчатки, кружевные, специально для дам.

А другие мои две куклы были совсем одинаковые, в сарафанах, а волосы у них были седые, как у бабушек, и больше напоминали какую-то мочалку, чем волосы, а росли они прямо изо лба, поэтому заплетать их невозможно было. А я любила куклам всякие прически делать и расчесывать. Но когда я их расчесывала, у них почему-то волосы выпадали.

Еще я любила кукол переодевать, но настоящей кукольной одежды у меня не было. Я напяливали на Надежду свои старые платья и Катькины. У меня было много платьев. Мама все время жаловалась, что я быстро росла, не по дням, а по часам. А Ромка, наоборот, рос очень медленно. Он где-то услышал, что, чтобы вырасти, нужно в шкафу вниз головой висеть. Вот он и висел иногда, до тех пор, пока мама один раз его не застукала за этим делом. Взрослые

же думали, чтобы дети росли, надо их хорошо и много кормить всякой полезной едой, особенно супом и мясными котлетами, а мы с Ромкой больше любили пирожные с кремом и торт “Наполеон”, ну и, конечно, шоколадные конфеты “Мишка”. Но игрушки мы любили больше, те, которых у нас не было.

Еще у нас с Ромкой был какой-то странный зверь, рыжий и выцветший, не то плюшевый, не то поролоновый, набитый непонятно чем. В магазине думали, что это тигр, но где же они видели тигра без полосок и с обручком вместо хвоста? “Взрослые любят морочить голову детям и вешать им лапшу на уши”, – сказал Ромка, когда немного подрос.

Лапы у зверя были короткие и торчали на все четыре стороны, а голова оказалась для него слишком тяжелой и большой, все время перевешивалась набок и несколько раз отваливалась. Тогда соседка Паулина Ричардовна ее пришивала черными нитками, самыми крепкими, но потом голова все равно снова отпадала.

Сам зверь был весь какой-то плоский и твердый, с петлей на голове. Его полагалось за эту петлю привешивать на стенку, чтобы он висел и отпугивал воров. Но нам с Ромкой этого совсем не надо было, да и зверь сам не очень-то хотел висеть.

Мы всегда брали зверя с собой на прогулку. Я несла его за петельку, зверь скакал по ступенькам, болтая лапами и стучаясь носом, когда мы поднимались. По улицам он тащился за мной следом почти совсем как живой, шлепая по лужам и собирая на себя всю грязь. Мама всегда очень сердилась на зверя и на нас тоже за то, что мы все время таскали его за собой по улицам, пугая им прохожих.

Кроме зверя, у нас были кубики, такие, из которых картинки составляют, всяких там зайцев да ежей. Но из наших с Ромкой кубиков никаких зайцев составить было уже нельзя, такие они истрепанные. Мы из этих кубиков – их много-много было, целый ящик – строили башни, высокие, иногда даже целые крепости. Ромка строил всякие форты для своих солдатиков. Один форт возле кровати, другой у самой двери. Потом он открывал огонь – хватал все, что попадало ему под руку, и швырял то в один форт, то в другой, руководя сначала армией у кровати, потом армией у двери. Форты с грохотом рушились, и здорово доставалось тому, кто случайно заглядывал в этот момент в детскую.

Моя же тактика игры в кубики была более миролюбивая: я просто ставила один кубик на другой до тех пор, пока на ковре посреди детской не вырастала высоченная башня, готовая рухнуть на меня при любом сквозняке. Полюбовавшись на мою башню, Ромка обычно хватал самый нижний кубик, и башня с чудовищным грохотом превращалась в руины. Это было неопишимо здорово, даже пол содрогался, а на блестящие локоны француза Луи сыпалась штукатурка.

Мы с Ромкой очень любили в разные игры играть, в прятки да прыгалки там всякие. У нас было много игр, которое мы даже сами придумывали. Вот, например, когда мы первый раз побывали в ресторане, то потом дома играли в ресторан. Я напяливала на себя мамино вечернее платье с блестками, большую шляпу с перьями, которая постоянно съезжала мне на нос, брала мамин веер с кружевами, выливая себе за шиворот полфлакона духов, обвешивалась мамиными драгоценностями, шествовала при всем параде в прихожую, затем обратно в гостиную, утопая в длинном платье, которое волочилось за мной, как шлейф королевы. Еле переступая ногами в маминых туфлях на высоких каблуках, раскачиваясь на них из стороны в сторону, будто испортившийся маятник в грозу, я взгромождалась за стол с важным видом настоящей дамы, изо всех сил размахивая веером и высоко задирая голову, пытаюсь носом передвинуть непослушную шляпу на затылок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.